

Йосип Ужаревич
Философский факультет Загребского университета
juzarevic@ffzg.hr

Josip Užarević
Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb
juzarevic@ffzg.hr

ВОДКА В АНЕКДОТАХ*

VODKA IN JOKES**

В статье исследуется значение водки и пьянства, исходя из материала анекдотов — микронарративных структур современного городского фольклора. При этом воздействие водки прослеживается на трех уровнях — телесном (физиологическом), душевном (эмоциональном) и духовном (общекультурном).

Ключевые слова: анекдоты, водка, пьянство.

The article explores the meaning of vodka and drunkenness, based on the material of jokes — micro-narrative structures of modern urban folklore. The impact of vodka can be traced on three levels — bodily (physiological), soul (emotional) and mindedly (cultural).

Key words: jokes, vodka, drunkenness.

1. Введение: пьянство и культура

Нетрудно согласиться с утверждением, что все сферы и все факты человеческой жизни в той или иной степени обладают культурностью. Мысль о том, что и физиологические явления, такие, например, как сексуальные действия или потребление алкогольных напитков, превращаются в культурные факты, высказана Юрием Лотманом: «Здесь можно было бы указать на обширность того пространства, которое отводится в культуре семиотикам вина и любви даже в высшей ее области — поэзии. Поэзия превращает, например, употребление вина (а для ряда культур — наркоти-

* Данная статья написана в рамках проекта «Русские литературные трансформации с 1990 по 2020 год» (IP-2020-02-2441), финансируемого Хорватским научным фондом.

This paper was written as part of the project “Russian Literary Transformation from 1990 to 2020” (IP-2020-02-2441), funded by the Croatian Science Foundation.

ческих средств) из физиохимического и физиологического факта в факт культуры. Явление это настолько универсальное и окружено таким пространством запретов и предписаний, поэтической и религиозной интерпретацией, так плотно входит в семиотическое пространство культуры, что человек не может воспринимать алкогольное воздействие в отрыве от его психо-культурного ареала» (Лотман 1992: 207–208; ср. Степанов 2001: 292).

Функции алкоголя в обществе и культуре весьма разнообразны. Достаточно упомянуть, хотя бы, ситуацию в *Библии*, где вино является и феноменом физиологического уровня, выступая как пищевой продукт (вместе с хлебом, елеем, мясом), а также фактором психической и социальной жизни — как средство увеселения, развлечения, празднования (позитивный аспект), но и насилия, разврата и т. п. (отрицательный аспект). Кроме функций физиологического и психосоциального порядка, вино в *Библии* выполняет и ритуально-сакральные функции, выступая, напр., как элемент жертвоприношений. В Новом же Завете вино достигает даже божественного статуса: на Тайной вечере Христос отождествляет вино с собственной — божественной — кровью. И до Тайной вечери вино в евангелиях упоминается в чудесном контексте: на свадьбе в Кане Галилейской Иисус превратил воду в вино высшего качества...¹

Тема алкоголизма широко включается в русскую литературу в XVII в. Именно тогда, вслед за апокрифическими текстами и народной живописью, встречается и предположение, что как раз пьянство, а не гордыня, является первородным грехом людей. В *Повести о Горе и Злочастии* Адам и Ева пьянеют от «плода виноградного», а в *Житии* пророка Аввакума — от смоквы (плода смоковницы или винной ягоды). Теме алкоголизма посвящены и многие другие произведения семнадцатого века, и не только семнадцатого (см. Užarević 2020). Неудивительно поэтому, что хорват Юрий Крижанич, который с 1661–1676 гг. был в ссылке в Тобольске, в своей *Политике* резко осуждал царскую монополию на кабаки и продажу алкоголя, а также неприемлемое, отвратительное пьянство не только в среде мирского населения, но и священства (Križanić 1997: 292–294, 408–409)².

¹ В Новом Завете, как видно, происходит своеобразная реабилитация вина. Это особенно выходит наружу, если учесть популярное мнение, что ветхозаветным деревом познания добра и зла (которое вместе с деревом жизни росло в центре райского сада) была виноградная лоза, а первородным грехом — пьянство. Такую — фольклоризованную — трактовку библейской ситуации условно можно связать с древнегреческим мифом о Дионисе, которого определяют как «бога растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза». Но надо сказать, что в самой *Библии* слова «виноградник» и «вино» впервые упоминаются только после всемирного потопа, в связи с земледельческой деятельностью Ноя, который, по-видимому, в мировой литературе и является одним из первых пьяниц (точнее, людей, подвергнувшихся опьянению) (Бытие 9, 20–22). В том же ряду стоит более чем интригующий библейский эпизод с Лотом и двумя его дочерьями, которые использовали пьянство отца, чтобы совокупились с ним ради продолжения рода (Бытие 19, 32–36)...

² Ссылаясь на немецкие источники, Юрий Степанов пишет, что способ перегонки для получения водки занесен в Восточную Европу итальянскими купцами из Генуи, пере-

2. От выхода в иной мир до забытья и самозабытья

Смысл пьянства (опьянения), а также его наличие в общественно-культурной истории всех народов, можно понять как стремление человеческого сознания выйти за пределы существующего или данного состояния, т. е. продвинуться в «мир потусторонний» (Степанов 2001: 303)³. Но в русской культуре веер уровней, видов и смыслов опьянения оказывается гораздо шире, чем просто выход в инобытие. Так, например, Ф. И. Буслаев писал, что «на пиру первую чашу пьешь в жажду, вторую в сладость, третью во здравие, четвертую в веселье, пятую в пьянство, шестую в бешовство, а последнюю в горькую смерть» (Степанов 2001: 304). В этом высказывании Буслаева сжато очерчена своеобразная феноменология алкоголизма, которая, как мы скоро увидим, хорошо распознается и на материале анекдотов про водку.

Небезынтересно отметить, что и в случае алкоголя наблюдаются две ценностно противоположные его стороны, «два имени» (Бахтин) — «высокое» и «низкое», положительное и отрицательное... Противоположность выражена в том, что алкоголь выступает одновременно и как *лекарство*, и как *яд*; и как эффективное *средство увеселения-празднования*, и как еще более эффективное *средство уничтожения* не только индивида, но и общества в целом... Если к сказанному добавить оппозицию *посюсторонний мир* (как нечто неудовлетворительное) — *потусторонний мир* (как нечто желательное), то нетрудно понять, как и почему возникло представление о пьянстве как «первородном грехе».

3. Анекдоты про водку

Анекдот — это миниатюрный повествовательный жанр современного городского фольклора, состоящий, как правило, из трех частей (реже из двух, а совсем редко из одной части), с пуантом как обязательной частью: без пуанты в самом конце анекдота нет анекдота (ср. Solar 1972; Курганов 1997; Užarević 1991). Водка, так же, как и другие алкогольные напитки

нявшими этот способ с Востока. В Россию эта технология попала в 1398 г. (Степанов 2001: 296). «Действительно, в России выпивают не для удовольствия вкуса, не для того, чтобы “отведать” той или иной водки, пьют, чтобы опьянеть, — просто “водку”. И, конечно, помногу». Об этом говорил еще Владимир Первый, отвергая магометанскую веру: «Веселие Руси есть пити, не можем без того быти» (Степанов 2001: 300). Но эти слова Владимира Первого историк (древне)русского быта Иван Прыжков понимал как критику пьянства, а не как его защиту: «Пьянства в домосковской Руси не было, — не было его как порока, разъедающего народный организм. Питье составляло удовольствие, как это видно из слов, вложенных древнерусским грамотником в уста Владимира...» (Степанов 2001: 301). В Московию, точнее, в кремлевский монастырь Чудов, дистилляция пришла в XV в. (между 1440 и 1470 гг.), а «государь всяя Руси» Иван III запретил частную собственность над кабаками, обеспечивая таким образом заполнение деньгами государственной казны (ср. Popović 2018: 29, 49).

³ Об алкоголе как результате поиска «духа вина» (лат. spiritus vini) и «воды жизни» (лат. aqua vitae), т. е. «эликсира вечной жизни», см. Heršak i Adžija 2013: 63; Popović 2018: 37.

(особенно пиво и вино), является довольно эксплуатируемой темой в русских анекдотах. При этом анекдоты про алкоголь встречаются гораздо реже в книжных изданиях, чем в Интернете, где они уже разбиты на своего рода алкоголические сериалы: «Анекдоты про водку», «Лучшие анекдоты про пиво», «Советские пьяницы в анекдотах» и т. п. Поэтому я в данной статье большинство анекдотов брал с Интернета, а не из сборников.

Уже в силу того, что водка и пьянство фигурируют как ведущие мотивы в определенном типе текстов, мы должны учитывать, что они — водка и пьянство — уже относятся не к «первичной системе» физических (биологических) и общественных феноменов, а подняты на уровень «вторичных моделирующих систем» (Лотман), т. е. литературы. Материал позволяет выделить три функционально-символических уровня воздействия водки в рассматриваемом корпусе текстов: уровень тела (физиологии), уровень души (чувств) и уровень духа (мировосприятия, социальных отношений, «философии жизни»). Этим самым, повторяю, «тело», «душу» и «дух» надо здесь отнести к искусству слова, а не только и не столько к физиологии (биологии), психологии, философии, социологии... В такой перспективе более ясной становится художественная комплексность анекдотов как представителей особого микроповествовательного жанра.

Как я уже намекнул, анализ анекдотов позволяет воспроизвести своеобразную феноменологию (русского) пьянства, проявляющегося в специфическом алкоголическом языке (метаязыке). Здесь имеются в виду следующие моменты: *названия спиртных напитков* (алкоголь, спирт, спиртное, брага, пиво, вино, квас, коньяк, шампанское); *пьющие лица* (пьяница, алкоголик, бражник, собутыльник); *процесс питья* (пить, выпивать, запивать, пропивать⁴, бухать, выпивка, пьянка, застолье, последняя рюмка, бросить пить); *побочные эффекты пьянства и движение пьяного* (качание, спотыкание, подкашивание, падать ничком, ползание)⁵; *то, что приходит после пьянства* (похмелье, отрезвление, трезветь, перегар, рассол, вытрезвитель); *сосуды из которых пьют* (стакан, стаканчик, рюмка, рюмочка, чаша, чарка, бутылка, горлышко, пить из рога, ящик водки, ведро); *закуска* (соленые огурцы, икра, мясо, соленая рыба); *болезни, лечение, смерть* (алкотестер, цирроз печени, гастроэнтеролог, желудочно-кишечный тракт, панкреатит, потеря памяти); *места, где достают и пьют алкоголь* (кабак, корчма, вино-водочный магазин).

3.1. Водка и тело (физиология пьянства)

Под физиологией пьянства в анекдотах (и вообще) следует понимать виды воздействия водки на функцию телесных органов. Здесь речь идет о таких феноменах, как сам процесс питья, посуда, закуска, рвота, испраж-

⁴ Ср. поговорку: «Пьёшь за чужое здоровье, а пропиваешь своё».

⁵ Ср. у Даля: «Хлеб на ноги ставит, а вино валит» (Даль 1989а: 270).

нение, передвижение (шатание, ползание), визуальное удвоение предметов, сексуальное вожделение, похмелье, заболевания и их лечение, смерть.

Удачным примером «перевода» абстрактного языка математики на конкретный, физиологический язык алкоголя может послужить следующий анекдот:

Поехал Василий Иванович экзамен в академию сдавать. Через некоторое время возвращается. Петька спрашивает:

— Ну как, поступил?

— Нет, Петька. Задали мне задачу — сколько будет ноль пять плюс ноль пять. Нутром чувствую, что литр, а математически доказать не могу⁶.

Физиологизм пьянства указывает в анекдотах на *посюсторонность мира*, на его материальность, элементарность, доступность. Но несмотря на игнорирование иного, сверх-материального мира, и в анекдотах с установкой на физиологические аспекты пьянства строится своеобразный *алкоголический антимир*. Дело в том, что, например, в таком антимире пространственная вертикаль превращается в горизонталь (т. е. прямохождение в ползание), вино-водочный магазин видится алкоголику как самая шикарная квартира, а алкогольные напитки ведут в желудке самостоятельную жизнь, решаясь вырваться наружу...

В анекдотах водка тесно связана с пищей — хлебом, солеными огурцами, мясом, рыбой. Дело в том, что после водки, как правило, закусывают — выпивка и закуска приходят вместе⁷. При этом водка может сочетаться со всеми блюдами и до, и после закуски, поскольку «под водочку любая закусочка кажется пикантнее». В то же время наивно думать, что отсутствие закуски помешает получить удовольствие от питья водки как водки:

— Что такое наивность?

— Предположение о том, что русского человека от выпивки удержит отсутствие закуски.

Водка на столе превращает другие блюда в нечто более ценное и более осмысленное: «Обычная магия: на столе лежит соленый огурец, это — еда; ставишь рядом рюмку водки, глазом не успеешь моргнуть, тот же овощ, а уже — закуска»⁸.

⁶ Ср. и следующий анекдот-эксперимент: «Занимательный тест. Задайте любому нашему человеку вопрос: сколько будет десять раз по сто грамм. Хоть кто-нибудь ответит, что это будет килограмм?!».

⁷ Показательным является факт, что в *Пословицах русского народа* Владимир Даль поместил главу «Пьянство» перед главой «Пища» (Даль 1989б: 269–278, 278–293), а Юрий Степанов в своих *Константах* сделал наоборот: сначала поместил концепт «Хлеб», а потом «Водку и пьянство» (Степанов 2001: 284–291, 291–313). Таким образом, и у того, и у другого закуска и водка понимаются, сознательно или бессознательно, как взаимосвязанные концепты.

⁸ Ср. и Даля: «Где огурцы — тут и пьяницы» (Даль 1989б: 271). Когда же речь о связи *водка — закуска*, мы уже видели, что в дальевских *Пословицах русского народа* сразу же после отдела «Пьянство» помещен отдел «Пища».

Мера (количество) алкогольной жидкости является важным моментом в жизни пьющего, но в анекдотах эта проблема не всегда решается в пользу неограниченного потребления алкоголя:

- Едешь на дачу, водочку пить?
- Да, доктор сказал, что можно немножко.
- С Валерой?
- Нет, с Валерой немножко нельзя.

Окружающие говорят, что я слишком много пью. Но я не помню, чтобы я выпивал больше трех рюмок. Три рюмки помню, а больше не помню...

Смешение алкогольных напитков приводит к рвоте и другим проблемам пищеварительного тракта:

- Встречаются в желудке водка и коньяк. Слышат снаружи:
- Выпьем за Ивана Ивановича!
- К ним присоединяется вино.
- Через пять минут опять:
- Выпьем за Ивана Ивановича!
- Присоединяется пиво.
- Через пять минут:
- Выпьем за Ивана Ивановича!
- Водка говорит:
- Давайте выйдем, посмотрим, что там за Иван Иванович!
- Утренний звонок:
- Серега, мы вчера пиво пили?
- Пили...
- А водку?
- Пили...
- А когда водка закончилась пили авиационное топливо?
- Пили...
- Не ходи в туалет, я тебе из Токио звоню!..

Сплошной физиологизм можно увидеть в следующем удачном диалоге жены и мужа после вчерашнего пьянства супруга:

- Скажи честно, мне стоит бросить пить?
- Ты вчера заблевал весь дом, а потом укакался во сне...
- Люся, ты просто ответь: я не понимаю твоих намёков!

Самое высокое место на алкоголическом Олимпе занимает водка: «Употребление пива — это скрытое желание пить водку», «Душевные царапины можно лечить пивом, раны только водкой». Но такое положение дел не мешает смешивать водку с другими спиртными напитками:

- Официант! Пива!
- Как пива? После водки?..
- Запомни, мальчик, не после водки, а перед шампанским!

С проблемой меры (количества) выпитого алкоголя теснейшим образом связана система посуды для питья: рюмка отличается от стакана, а стакан от бутылки и ящика...

Мужик водителю автобуса:

— Извините, вы вчера случайно не находили в вашем автобусе ящик водки?

— Нет, но мы нашли того, кто его нашел!

Закономерным результатом регулярного пьянства являются болезни: цирроз («Всё время поющая душа, предвестница — цирроза»; «Что бы вы хотели поменять в жизни? — Печень.»), склероз («Склероз: вчера чуть трезвым не улегся») и др. Самым крайним «физиологическим» эффектом алкоголя можно считать конец жизни, т. е. смерть⁹. Анекдоты про смерть от водки являются примерами самой эффективной «чернухи»:

Нашли мужики бутылку, вроде бы с водкой, да вот беда — стакан только один. Придется пить по очереди. Первый выпил — упал замертво, второй посомневался, выпил — упал замертво. Третий налил, достал сотовый, звонит:

— Але, скорая? Тут на пустыре три трупа!!!!¹⁰

3.2. Водка и душа

Приводимые до сих пор анекдоты наглядно указывают на то, что «физиология» неразрывно связана с «душой». Все-же можно выделить сферу эмоций (страха, грусти, любви, равнодушия, храбрости), временной потери памяти, раздвоения личности и пр., чтобы подчеркнуть факт, что именно *душа* является настоящим генератором не только пьянства, но и словесных структур, в которых художественно обрабатывается данная тема. Иначе говоря, анекдоты, как словесно-художественные структуры, указывают на то, что главные толчки к алкоголизму приходят изнутри, т. е. из души, из сферы эмоций: спирт выступает как своего рода лекарство душевных ран. Выше было сказано, что «душевные царапины можно лечить пивом, а раны только водкой».

Среди анекдотов есть и такие, которые можно считать автометаописанием (объяснением) механизмов, связывающих мозг, чувства и алкоголь: «Ученые доказали, что наш вестибулярный аппарат, для постоянного сохранения равновесия, жрет уйму ресурсов мозга. Если его отключить, высвободившийся потенциал, дает человеку огромные дополнительные воз-

⁹ Для Даля смерть и кабак — нечто неминуемое: «Смерть — неминуемое дело, а к кабаку необходимый путь», но: «Пьяный не мертвый: когда-нибудь да проспится» (Даль 1989б: 272).

¹⁰ Но есть и противоположный взгляд на смерть от алкоголя. Иронический афоризм: «Кто не курит и не пьет, тот здоровенький умрет» защищает гедонистический взгляд на алкоголь и курение: суффикс *-еньк-* ядовито указывает на факт, что и «здоровые», которые в жизни (и от жизни) не получают никакого удовольствия («не курят и не пьют») тоже умрут...

можности; поднимается тонус, возникает ощущение полета, повышается энергетика и тяга к сексу, улучшается настроение, самочувствие и т. п. Появляется чувство действительно полноценной жизни. Отключается аппарат равновесия довольно легко, можете попробовать сами, всего литр водки».

Но если начальным толчком к пьянству и была тяга превзойти (трансцендировать) существующие душевные проблемы, потом желание пить становится уже самоцелью: «Мужчина пьянствует в трех случаях: когда плохо — от горя, когда хорошо — от радости и когда все нормально — от скуки»¹¹. Несмотря на то, что сами проблемы остаются («Хотел утопить свои проблемы в алкоголе... Плавают, сволочи!»), у алкоголя есть свои козыри: «Алкоголь не помогает найти ответ, но он помогает забыть вопрос»; «Попробовал безалкогольное пиво. По вкусу — как будто тебя никто не любит». Оказывается, алкоголь обеспечивает позитивные чувства в душе, и этим он отличается от трезвого состояния:

- Вася, ты чего такой грустный?
- Я не грустный, я трезвый.

Поэтому парадоксально-замкнутым оказывается мечта пьяницы бросить пить: пьющий хочет бросить пить, но в таком случае он лишился бы своей самой важной мечты:

- Есть ли у тебя мечта?
- Есть.
- Какая?
- Хочу бросить пить.
- Так брось.
- А как потом жить без мечты?

В парадоксально-безвыходной ситуации оказывается Я пьющего, потому что: «Водка — это единственное, что меня радует. И это меня устраивает...»

Счастье, которое обеспечивается спиртом, обладает математико-процентной формулой: «40% этилового спирта делают счастливыми 60% россиян», т. е. «в лучшем лекарстве от депрессии 60% просто вода».

Венгерский философ и писатель Бела Хамваш указывал в своей книге *Философия вина* на тесную связь вина и эротики: питье — «ближайший родственник любви. Вино похоже на жидкий долгий поцелуй» (Hamvas 2002: 36). В русских же анекдотах водка имеет, с одной стороны, прямое отношение к сексуальности, а с другой — к деторождению (т. е. она предстает как демографический фактор). В ситуациях, когда надо выбирать между водкой и девушкой, решение не всегда будет в пользу девушки:

¹¹ Ср. у Даля: «На радости выпить, а горе запить»; «Пей — тоска пройдет. Пить — горе; а не пить — вдвое»; «Спасается — по три раза в день напивается» (Даль 1989б: 273, 277).

— Девушка, дайте мне бутылку водки!

— С собой?

— Без вас.

— Почему водка лучше женщины?

— Потому что водке все равно, сколько у тебя было водок до нее.

Из приведенных примеров видно, что главным субъектом русских анекдотов про водку и пьянство являются мужские персонажи — мужское повествовательное Я. Очень редко здесь фигурируют женщины, но когда это случается, они — женщины — заслуживают особый респект мужского субъекта: «Что у пьяной женщины на уме, то не всякий мужчина сможет».

Несмотря на то, что алкоголь иногда трактуется и как «враг сексу», никто не сомневается в демографических эффектах употребления алкоголя: «Да, много людей умерло от алкоголя. Но и родилось не меньше». Или:

— Алкоголь убивает 2.5 миллиона человек в год.

— Производит гораздо больше.

Тема «лишнего человека» в анекдотах звучит так:

— Приведите пример «лишнего человека» на гулянке.

— Трезвенник, который не умеет водить машину!

Особый случай представляют собой «душевные» анекдоты, в которых разрабатывается проблема раздвоения личности и потери памяти:

Врач:

— Вы же в нашем санатории лечились в прошлом году, обещали перестать пить и стать другим человеком.

Больной:

— Я и стал другим человеком, но он тоже начал пить.

Мужик с дикого помела, в туалете, облокотившись на раковину, чуть приоткрыв рот задумчиво смотрит в зеркало. Проходит пять минут... десять... двадцать...

Из кухни голос жены:

— Коля, иди завтракать.

Мужик, щёлкая пальцами:

— Точно, Коля!

3.3. Водка и человеческий дух: пьянство в социокультурном контексте

Когда речь идет о семантике и понимании анекдотов про водку и пьянство, самыми требовательными или сложными являются, по-видимому, те анекдоты, в которых развертывается идея антимира, смысла жизни, функционирования государства, науки, этнопсихологии, семейных отношений, работы, современности...

Способ построения алкоголического антимира лучше всего виден в анекдоте, в котором вертикальный мир трезвых становится горизонталь-

ным миром пьяниц, т. е. прямохождение трезвых превращается в ползание пьяных, из-за чего железная дорога воспринимается как неудобная лестница, рельсы как перила, железнодорожные шпалы как лестничные ступеньки, а поезд — как лифт...

- Три алкаша ползут по путям:
 — Что-то лестница неудобная...
 — Да... и перила широкие...
 — Ну ничего, вон лифт едет...

Таким же образом алкоголику, как было намечено выше, вино-водочный магазин видится как «шикарная квартира», а социальная лестница как ход вниз (за водкой)...

В детстве Леша мечтал стать космонавтом, Ваня — спортсменом, а Сережа — алкоголиком. В итоге первые два спились, а третий таки добился своего.

В своих *Константах* Юрий Степанов определяет «пьянство в России» как этнопсихологическую черту русского народа: «Водка — это крепкий алкогольный напиток, т. е. нечто, что потребляют, пьют *ради алкогольного опьянения*. Вот в таком виде это слово и предмет входят в русскую культуру и составляют в ней прискорбно тесную ‘связку’ ‘водка — пьянство’. Именно в факте этой связки лежит ключ к пониманию их истории и места в русской культуре» (Степанов 2001: 292). Сфера анекдотов очень хорошо подкрепляет все, что говорит Степанов.

Если хорошенько вдуматься, то два главных символа России, матрёшка и бутылка водки, по сути своей одно и то же. Открываешь одну, а дальше — вторая, третья, четвёртая...

Представьте картину: за окном мороз, окна заледенели, вы только пришли с улицы, а на столе в огромном блюде дымятся пельмешки, рядом в тарелочке аккуратно нарезана селедочка, политая маслицем и посыпанная луком. Чего еще не хватает? Правильно!

А иностранец ни за что не догадается...

Среди анекдотов мы нередко находим проникновенные, саркастичные наблюдения о власти и государстве: «В стране, где водка дешевле закуски, народ перестает гнать самогонку и начинает выращивать огурчики и прочую хрень, что неминуемо ведет к полному развалу сельского хозяйства и подорожанию водки»¹². Алкоголический субъект охотно помогает государству:

¹² В своих *Константах* Юрий Степанов ссылается на Де Голя, который сказал, что «трудно управлять страной, в которой 300 сортов сыра!» Степанов саркастично добавляет: «Легко управлять страной, где один сорт напитка — водка!» (Степанов 2001: 299–300). В 17 в. власть запрещала платить за работу водкой, а «государственная власть изначально стремилась прибрать к рукам производство и, главным образом, торговлю водкой»: надо было заводить «царевы кабаки», так что центрами торговли спиртным стали корчмы (Сте-

Много пить вредно для здоровья, а мало — вредно для государства. Да кто я такой, чтобы быть вредителем своей Родине?!

В анекдотах водка, как химическое соединение, довольно часто связывается с наукой, в первую очередь с Менделеевым как химиком, который «научно» доказал, что идеальная (= русская) водка должна содержать 40% спирта и 60% воды (о чем здесь уже было сказано). В данном контексте мы встречаем и «британских ученых», которые провели опыты с алкоголем: «водка со льдом вредит почкам, ром со льдом вредит печени, джин со льдом вредит сердцу, виски со льдом вредит мозгу. Оказывается, лед невероятно вреден!» Наукообразным является и следующий анекдот:

Купил часы-шагомер. За год прошёл 3286 км. За это время выпил где-то 128 л водки. Так вот мой расход — 3.9 л на 100 км.

Философское обоснование алкоголизма мы обнаруживаем в следующем тезисе: «Несовершенство мира наглядней всего демонстрирует то, что поводов для выпивки всегда больше, чем спиртного». Поэтому оказывается тщетной попытка медиков воздействовать на человека, который познал суету и печальную сущность мира:

Доктор:

— Пьянство делает человека равнодушным ко всему!

Пациент:

— А мне плевать!

4. Поэтика

В конце укажем на некоторые аспекты поэтики анекдотов про водку и пьянство.

Общей чертой таких анекдотов следует считать своеобразный их реализм, т. е. реалистическое изображение предметов и сцен, о которых они рассказывают. Иначе говоря, в них нет метафизики, сакральных и чудесных мотивов, фантастических сцен. Кроме того, структура анекдота предполагает максимальную сжатость, точность и эффектность каждого слова, несмотря на обычную для анекдотов игру слов, семантическую амбивалентность и неожиданные повороты мысли как условия для построения пуанты¹³.

Я уже отмечал, что в глаза бросается мужская нарративная перспектива: мужчины являются, как правило, и субъектами, и объектами анекдотов

панов 2001: 307–308). В России существовало убеждение «будто бы власть, пытающаяся насильно ограничить в России потребление водки, непременно падет; это “доказывается” падением царя в 1917 г. и падением советской власти в период около 1992 г.» (Степанов 2001: 310).

¹³ «Бывало, выпьешь царь-водки с вечера, а с утра голова — царь-колокол. Да, и с царь-пушкой не все в порядке...»; «Водка „Эталон“ 40%. Просто по-пьяни буквы „Л“ и „Н“ местами перепутали»; «Алкоголь делает нас синее».

про алкоголиков. Это значит, что пьянство — преимущественно мужское дело.

Тем не менее, язык анекдотов очень богат (разнообразен). В нем имеют место и уменьшительные формы (праздничек, винцо, водочка, чарочочка, в припадочку, пьяненький), и грубые (бранные) слова (морда, блевать, укачаться, пошел нах*й, охренеть, жрать, срать), и разговорный язык (обильное использование диалогов с разными интонациями), и современная лексика (инстаграм, компьютер, вирусы, трояны, файлы, дефрагментация памяти, постапокалиптический мир, супермаркет).

Особо стоит указать на связь анекдотов с традиционными и новыми малыми жанрами: афоризмами¹⁴, антипословицами и антипоговорками¹⁵, антисказками¹⁶, лирическими стихотворениями¹⁷. Интересно было бы исследовать и связь анекдотов про водку с некоторыми народными русским обрядами (напр., обычай оставлять чарку водки на могилах), здравницами (выпивка за здоровье) и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Анекдоты про водку* <https://anekdotovstreet.com/eda-napitki/vodka/> (19.3.2022.)
 Даль Владимир. *Пословицы русского народа*. В 2 т. Т. 1. Москва: «Художественная литература», 1989а.
 Даль Владимир. *Пословицы русского народа*. В 2 т. Т. 2. Москва: «Художественная литература», 1989б.
 Курганов Ефим. *Анекдот как жанр*. Санкт-Петербург: Академический проект, 1997.
 Лотман, Юрий. *Культура и взрыв*. Москва: Гнозис, 1992.
Рога и копыта. Непрерывное издание. Москва — Киев: «НКП» — «Атика», 1994.
Советские пьяницы в анекдотах <https://www.yaplakal.com/forum3/topic2287219.html> (19.3.2022.)
 Степанов Юрий. *Константы: словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2001.
 Hamvas Béla. *Filozofija vina*. Zagreb: Ceres. Treće izmijenjeno izdanje. Preveo Ivan Ladislav Galeta. Za tisak priredio Stanko Andrić, 2002.
 Heršak Emil, Adžija Maja. *Sveta pića. Od medovine do čaja*. Zagreb: TIM-press, 2013.
 Križanić Juraj. *Politika*. Zagreb: Golden marketing, Narodne novine. Preveli Mate Malinar i Radomir Venturin, 1997.
 Popović Marija. *Napitci u hrvatskim i ruskim poslovicama*. Zagreb: Doktorska disertacija, 2018.

¹⁴ «Мы общаемся не для того, чтобы выпить. Мы пьем для того, чтобы общаться» (ср. «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить»); «От алкоголя отказаться не сложно, сложно понять для чего это нужно»; «Лучше водка без повода, чем повод без водки»; «Алкоголь не помогает найти ответ, но он помогает забыть вопрос».

¹⁵ «Вода камень точит, а водка — печень».

¹⁶ «Идет алкаш по берегу. Видит — выбросило на берег золотую рыбку. Лежит, хвостом бьет, просит бросить ее в воду, обещает исполнить три желания.

— Дай кружку пива на опохмел!

Появляется кружка пива. Алкаш хватает рыбку, лупит ею по тыльной стороне кисти:

— Вот и таранька есть!

¹⁷ «Водка, водка, огуречик. /Вот и спился человечек!»; «Утро таяло в тумане, /Шелестели камыши. /Грациозные как лани, /Шли по полю алкаши.»

- Solar Milivoj. „Analiza jednog vica“, *Književna smotra 7* (1972): 39–43.
 Užarević Josip. *Književni minimalizam*. Zagreb: Disput, 2012.
 Užarević Josip. *Ruska književnost od 11. do 21. stoljeća*. Zagreb: Disput, 2020.

REFERENCES

- Anekdoty pro vodku* <https://anekdotovstreet.com/eda-napitki/vodka/> (19.3.2022.)
 Dal' Vladimir. *Poslovitsy russkogo naroda*. V 2 t. T. 1. Moskva: «Khudozhestvennaya literatura», 1989a.
 Dal' Vladimir. *Poslovitsy russkogo naroda*. V 2 t. T. 2. Moskva: «Khudozhestvennaya literatura», 1989b.
 Hamvas Béla. *Filozofija vina*, Zagreb: Ceres. Treće izmijenjeno izdanje. Preveo Ivan Ladislav Galeta. Za tisak priredio Stanko Andrić, 2002.
 Heršak Emil, Adžija Maja. *Sveta pića. Od medovine do čaja*, Zagreb: TIM-press, 2013.
 Križanić Juraj. *Politika*, Zagreb: Golden marketing, Narodne novine. Preveli Mate Malinar i Radomir Venturin, 1997.
 Kurganov Efim. *Anekdot kak zhanr*, Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1997.
 Lotman Yuriy. *Kul'tura i vzryv*, Moskva: Gnozis, 1992.
 Popović Marija. *Napitci u hrvatskim i ruskim poslovicama*, Zagreb: Doktorska disertacija, 2018.
Roga i kopyta. Nepreryvnoye izdaniye. Moskva — Kiyev: «NKP» — «Atika» 1994.
Sovetskiye p'yanitsy v anekdotakh <https://www.yaplakal.com/forum3/topic2287219.html> (19.3.2022.)
 Solar Milivoj. 1972. „Analiza jednog vica“, *Književna smotra 7* (1972): 39–43.
 Stepanov, Yuriy. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury*, Moskva: Akademicheskij proyekt, 2001.
 Užarević Josip. *Književni minimalizam*, Zagreb: Disput, 2012.
 Užarević Josip. *Ruska književnost od 11. do 21. stoljeća*, Zagreb: Disput, 2020.

Јосип Ужаревић

ВОТКА У АНЕГДОТАМА

Резиме

У раду се истражује значење вотке и пијанства на материјалу анегдота — микро-наративних структура савременог градског фолклора. Истовремено, утицај вотке се може пратити на три нивоа — телесном (физиолошком), душевном (емоционалном) и духовном (општекултурном).

Кључне речи: анегдоте, вотка, пијанство.